

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО.

(Записка иностранца Федора Бринка).

Время и обстоятельства, беспощадно уничтожающія письменные памятники прежнихъ лѣтъ, оказались особенно жестокими по отношенію къ Сибири. Не будетъ большой погрѣшностью противъ истины, если сказать, что ни одинъ мѣстный архивъ не сохранился полностью въ надлежащемъ видѣ, не былъ бы поврежденъ въ большей или меньшей степени пожаромъ, или не погибъ подъ вліяніемъ сырости и холода.

Отъ богатаго въ прошломъ архивнаго матеріала сохранились до настоящаго времени, собственно говоря, отрывки, да и тѣ, будучи разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и сосредоточены въ помѣщеніяхъ нисколько не отвѣчающихъ своему назначенію превращаются въ пепель раньше, чѣмъ попадутъ въ руки тому или иному изслѣдователю.

Между тѣмъ Сибирь могла бы рассказать много интереснаго. Вѣдь, здѣсь, подъ шумъ тайги и завываніе вѣтра, коротало свой вѣкъ, вдали отъ родины и близкихъ сердцу лицъ, не мало народа,—и завѣдомые злодѣи—преступники и люди невинные, жертвы происка и навѣтовъ.

Такимъ преступникомъ, или жертвой своего времени,—затрудняемся сказать,—былъ и нѣкій иностранецъ Федоръ Бринкъ, сосланный по Высочайшему повелѣнію въ Иркутскую губернію въ 1807 году, по замѣшательству въ дѣлѣ о доносѣ бывшаго Адьютанта Камперле на француза Дюгура, и находившійся въ Олекминскѣ, а позднѣе въ Якутскѣ подъ надзоромъ полиціи.

Оставшіяся послѣ смерти Бринка „бумаги“ были переданы по счастливой случайности,—благодаря просвѣщенному вниманію Гене-

раль-Губернатора Броневскаго,—въ одинъ изъ сибирскихъ архивовъ, благополучно пережили невзгоды въ видѣ „потопа, огня и меча“, но не подверглись доселѣ изученію. Недавно я имѣлъ возможность ознакомиться съ рукописями покойнаго Бринка и выбрать изъ нихъ то, что представляетъ несомнѣнный, по моему мнѣнію, интересъ для читателя и историка. Бумаги Бринка, заключенныя въ соответствующемъ „дѣлѣ о смерти находившагося въ Якутскѣ подъ надзоромъ полиціи иностранца Бринка“, состоятъ изъ черновиковъ прошеній и „записки“. Прошенія Бринка, въ коихъ онъ проситъ Императора Николая Павловича о прощеніи и помилованіи, а нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ намъ высокопоставленныхъ лицъ о заступничествѣ, не представляютъ *общаю* интереса, такъ какъ являются, въ конечномъ счетѣ, повтореніемъ отдѣльныхъ мѣстъ „записки“. Что же касается послѣдней, сохранившейся въ четырехъ копійхъ, болѣе-менѣе близкихъ одна къ другой, то она, какъ рисующая общую картину жизни несчастнаго, но безусловно талантливаго иностранца—изгнанника, его знакомства, встрѣчи и злословія, цѣнна, и во вниманіе къ ея едва ли не столѣтней древности заслуживаетъ того, чтобы быть опубликованной полностью.

Находящагося Иркутской губерніи въ областномъ городѣ Якутскѣ подъ именемъ иностранца по секрету

Пенсіонера Бринка

Записка.

Имѣвъ счастье служить при Высочайшемъ дворѣ, нынѣ въ Бозѣ почивающей Монархини Екатерины Великой, былъ я призванъ предъ священную особу Ея въ Село-Царское 1796-го года Іюня 25-го числа. гдѣ Ея Величество соблаговолила объявить мнѣ Высочайшую волю свою, чтобы я находился лично при ней, и что она устроить все мое счастье. Упавъ къ освященнымъ стопамъ Государыни, я принесъ клятву быть вѣрнымъ Всероссійскому престолу до послѣдняго издыханія и посвятить всю жизнь свою на заслуги. Но неизреченное милосердіе Великой возбудило зависть въ князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, и онъ по несчастной моей судьбѣ, или по своимъ планамъ стараясь отклонять меня отъ Двора Ея Величества, наконецъ совершилъ свое намѣреніе, или яснѣе сказать, сдѣлалъ мнѣ конечную погибель. И вотъ какимъ образомъ происходило сіе происшествіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія моего къ Ея Величеству, князь Зубовъ призвалъ меня къ себѣ, подалъ мнѣ какую-то бумагу, приказывая подписать, не объявляя ея силы и назначенія. Но какъ самое благо-

разуміе не позволяло мнѣ сего сдѣлать, то князь со клеветы своими угрожалъ мнѣ смертію, а наконецъ могуществомъ и силою своею взявъ меня, морилъ голодомъ пять дней. Умоляя Правосуднаго Бога, поборителя *) невинности, я съ помощію Его выдержалъ сіе испытаніе или, да позволено мнѣ будетъ сказать, мучительную пытку. На шестой день князь Зубовъ, дядя его Бригадиръ Зубовъ же, подполковникъ Дехтеревъ и прочіе, которыхъ не знаю, вошедъ въ бастилію мою, силою принуждали меня пить кофе, который служилъ бы мнѣ смертною кончиною. Но Десница Всевышняго, не оставляя надѣющихся на святую помощь Ея, и на сей разъ исторгла меня изъ убійственныхъ рукъ. И я, собравъ всѣ силы свои, вырвался отъ нихъ и выскочилъ изъ окна, при чемъ нанесъ жестокой ударъ дядѣ князя Зубова... Наконецъ потерявъ чувства какъ отъ прыжка изъ окна, такъ отъ голоду и душевныхъ терзаній, я возвратилъ оныя уже отъ качанія кареты, въ которой везли меня неизвѣстно куда, за конвоемъ 4-хъ лейбъ-казаковъ. Наконецъ будучи привезенъ въ Санкт-Петербургъ, представленъ былъ къ Генералу Архарову, который уже не съ угрозами, но съ ласкою уговаривалъ меня, что естли я подпишу нечитавши бумагу, то тѣмъ все и кончится. Не видя никакихъ средствъ получить освобожденіе, или просить защиты у Императрицы, я сдѣлалъ себя добровольною жертвою закланія, подписалъ роковую бумагу, которой значеніе и по сіе время мнѣ неизвѣстно. Не знаю, какія бы пагубныя послѣдствія могли отъ сего произойти, но можетъ быть хотя малѣйшая часть страданій сдѣлалась извѣстна Великой Екаторинѣ, и я вскорѣ отправленъ былъ въ Гамбургъ, гдѣ препорученъ былъ въ покровительство Г. Бургомистру города Дорнеру.

Въ городѣ семь праздная жизнь и молодая лѣта познакомили меня съ французскимъ посланникомъ Рейнъ-Гартомъ и другими знатными французами, между коими представлялъ не маловажное лицо нѣкоторый *Жоме*, близкой родственникъ Іозефинѣ. Его ли собственная фамилія, или находился онъ подъ именемъ чужимъ, было неизвѣстно, но только что пользовался отъ посланника и всѣхъ великихъ уваженіемъ.

Пылкость и участь моя, праздная жизнь, а можетъ быть и характеръ французовъ, мыслящихъ тогда быть владыками вселенной и независимыми, побудило посланника, безъ воли моей, сдѣлать обо мнѣ представленіе въ Директорію въ Парижъ и вскорѣ на сіе прислано

---

*) Покровителя В. К.

повелѣніе отъ Барраса къ посланнику, что я принять въ службу республики полковникомъ съ жалованьемъ 5760 франковъ или 480 голандскихъ червонцевъ, и предположено отослать меня въ Парижъ. Но все сіе еще было отъ меня тайною. Наконецъ получилъ я два письма отъ директоровъ республики Бараса и Ребель въ самомъ обольстительномъ тонѣ, что послѣдовало по рекомендаціи того *Жюме*, которой въ своихъ письмахъ въ Директорію называлъ меня немаловажною пружиною, могущею служить для ихъ дѣйствій; политика можетъ быть и потому, что они знали пребываніе мое при Россійскомъ Дворѣ, а потому надѣялись вывѣдать отъ меня каковыя политическія тайны, наконецъ частое и дружеское обращеніе мое съ посланникомъ и другими французами, ихъ ко мнѣ довѣріе и уже поступленіе въ ихъ службу открыло мнѣ *ужасныя* Барасовы планы, которые, ставъ извѣстны всему свѣту, въ послѣдствіи времени обратились въ пагубу самихъ французовъ.—Вся душа моя потряслась отъ безбожныхъ замысловъ Республиканцовъ противу Бога и человѣчества, проникъ, что они на развалинахъ Царства мыслили основать *Тронъ Безначалія*, но Вездѣсущій посмѣялся намѣренію Пигмѣевъ. Бывъ воспитанъ въ религіи и въ вѣрности къ властямъ, я прибѣгнулъ къ покойному Королю Людовику 18-му, имѣющему пребываніе свое тогда въ Бланкен-бургѣ. Его Величество приказалъ мнѣ упасть къ стопамъ нынѣ въ Возѣ почивающему Монарху Россіи—Павлу 1-му, съ своей же стороны донесъ Двору Россійскому обо всемъ подробно.

Вскорѣ присланъ былъ фельдъегерь въ Гамбургъ къ Россійскому Послу Барону Криму, которому повелѣно было обо всемъ осторожно и правильно развѣдать. Баронъ Крымъ, исполняя безусловно священную волю Императора Павла, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ присудствія собственнаго духа дать мнѣ время по связи съ французами узнать всѣ тайны ихъ; статья можетъ, чтобъ я могъ имѣть случай захватить всѣ ихъ планы, важныя дѣла, относящіяся не токмо къ Россіи, но даже и до другихъ державъ, и списокъ, гдѣ означены имена и состояніе людей составляющихъ кругъ ихъ, какъ то тайныхъ агентовъ по дѣламъ Франціи, разсыпанныхъ въ Санкт-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и прочихъ мѣстахъ. Но робость или недостатокъ духа Барона Крима воспрепятствовала сему моему намѣренію, отъ чего находящійся въ Гамбургѣ Тавуней, повѣренный Его Королевскаго Величества Людовика 18-го, сталъ недоволенъ поступками Барона Крима и ссора сія въ тоже время сдѣлалась извѣстна всему Гамбургу. Трое изъ знатнѣйшихъ особъ Гамбурга, пришедъ ко мнѣ, уговаривали меня оставить мое доношеніе Императору Павлу, гдѣ предстоить яко бы мнѣ одна

печальная неизвѣстность. и ежели я буду согласенъ съ ихъ мнѣніемъ, то скроютъ они меня до время отъ предстоящей *мнѣ бѣдственной судьбы*¹⁾. Отвѣтъ мой былъ имъ, что я скорѣя умру, нежели замараю себя подлой измѣной Императору Павлу.—Объ чемъ и донесено въ тотъ же часъ Барону Криму. а я осмѣлился писать къ Его Свѣтлости Князю Безбородкѣ. По письму сему присланъ былъ вторично въ Гамбургъ фельдъегеръ, которой привезъ повелѣніе, чтобъ я явился въ Петербургъ къ князю Безбородкѣ. по прибытіи куды вручилъ я ему письмо отъ Его Величества Короля Людовика 18-го, два письма директоровъ республики и другія бумаги.

Его Свѣтлость представилъ меня къ Его Императорскому Величеству, которой, удостоивъ лично меня обо всемъ распросить, по среднему правосудію и милости, изволилъ сказать мнѣ: „Все что Вы, мой сынъ, потеряли при такомъ превратномъ, недостойномъ отношеніи, вы найдете у меня вдвойнѣ вмѣстѣ съ моей милостью и заботой о васъ“.

Удостоившись слышать изъ устъ правосуднаго Государя утѣшительныя слова, я упавъ предъ священныя стопы Его Величества, со слезами приносилъ мое благодареніе, что было при видѣ Графа Кутайцова²⁾, и Графа Николая Зубова.—Прежнія гоненія на меня братомъ его Княземъ Платономъ Зубовымъ напомнили Николаю Александровичу, что можетъ быть по милосердному возренію на меня Государя, Великому Монарху осмѣлюсь ему открыть жестокіе поступки со мною Князя Зубова, описанныя мною въ началѣ сей записки, а сіе и поселило въ душѣ его справедливую боязнь въ должномъ отъ Монарха правосудія, а ко мнѣ непримиримую ненависть и мщеніе.

Въ тотъ же день Князь Безбородко объявилъ мнѣ, что Государю Императору благоугодно было всемилостивѣйше назначить меня. по-

---

¹⁾ „Зубовъ увѣрялъ ихъ, что Павелъ не будетъ долго править и что это зависитъ отъ него, на что я засвидѣтельствовалъ имъ своей жизнью, что Зубовъ недостойный лжецъ и проклятый негодяй, врагъ Его Величества, потому эти 3-и заявили мнѣ, что мнѣ придется попасть въ руки Зубова, какъ только я приѣду въ Петербургъ, п. ч. въ засѣданіи сказалъ подобное Зубову въ лицо, изъ-за той клеветы, которую онъ распространялъ о Павлѣ 1-мъ. Эти три суть: 1) Принцесса Фонъ-Голстейнъ (Голштинская). 2) Дорнеръ, 3) Князь Рейсъ“. Настоящее примѣчаніе Бринка, какъ и слова Императора Павла въ подлинникѣ написаны по нѣмецки. Переводъ любезно сдѣланъ г. де-Струве, за что выражаю ему свою искреннюю благодарность. В. К.

²⁾ Кутайсова В. К.

жаловать въ 6-й классъ съ пенсією въ годъ по 480 голандскихъ червонцевъ, ту же самую сумму, которую обѣщали мнѣ Французы. Полагать должно, что всё мои нещастія кончились и я, бывъ подъ всеильною защитою правосуднаго Монарха, не могъ опасаться никакихъ гоненій. Но искра мщенія тлѣющаго въ фамиліи г.г. Зубовыхъ возродила другой разъ при Россійскомъ Дворѣ беззаконныя на меня отъ нихъ гоненія.

Самъ Свѣтлѣйшій Князь Безбородко, чуждый всякой неправды, объявилъ мнѣ, что враждебная для меня партія всѣми возможными силами старается отдалить меня отъ лица Государя, но чтобъ я утѣшался своею усердію ¹⁾ которая со временемъ пресечетъ жало крамолѣ.—Наконецъ видѣвши усиленное мщеніе лицъ сильныхъ, какъ то Зубовыхъ, Кутайцовъ ²⁾ и прочихъ, сказалъ мнѣ, что я долженъ ѣхать на время въ Харьковъ, чтобы тѣмъ успокоить нѣсколько враждебныя характеры моихъ гонителей, которыя *страшились*, чтобъ я не донесъ Государю на Князя Платона Зубова, *коего вина была велика*. Покоряясь необходимости, я долженъ былъ послѣдовать приказанію Свѣтлѣйшаго Князя Безбородки, и, не раздражая болѣе моихъ гонителей отправился въ Харьковъ, имѣя въ душѣ Божественныя слова Спасителя Мира: „аще гонять тебя въ градѣ, бѣги въ другій“ и думалъ, что я кротостію и терпѣніемъ обезоружу мнѣ мстящихъ. но мѣра кротости не имѣла дѣйствія на ихъ характеры, и они, чтобъ болѣе обременить мою судьбу постарались вмѣсто 480 червонцевъ назначить мнѣ пенсію въ Харьковѣ по 300 рублей въ годъ. Однако-жъ Князь Безбородко по самую христіанскую кончину свою посылалъ мнѣ въ Харьковъ въ годъ 480 червонцевъ, (отъ своего ли милосердія, или отъ назначенной прежде пенсіи, я неизвѣстенъ), а при томъ не оставилъ и рекомендабельнымъ письмомъ къ Харьковскому Г. Губернатору Теплому.

Со смертію сего друга человѣчества Свѣтлѣйшаго Князя Безбородки начались на меня бѣдствія. Въ бытность мою въ Харьковѣ составилъ отъ неблагомыслящихъ и злобныхъ людей пасквиль. Правящій должность Губернатора, Вицъ-Губернаторъ Шидловскій, преданой Князя Зубова, вмѣшалъ меня силою въ сіе дѣло, якобы въ оскорбленіи Его Величества, что случилось 1800 году іюня или іюля и число не упомяну. А потому съ прочими невинными людьми отравили и меня

¹⁾ Своимъ усердіемъ В. К.

²⁾ Кутайсовыхъ.

въ Петербургъ въ Тайную Экспедицію, гдѣ хотя и поступаемо со мною было со всякимъ челоуколюбіемъ, но мѣсто, стовъ несчастныхъ и неизвѣстность будущей моей судьбы, раскрыло всѣ прежнія мои душевныя раны и я сдѣлался боленъ. Наконецъ самъ Генераль-Прокуроръ посѣтивъ меня объявилъ, что я найденъ совершенно невиннымъ. Тутъ же нашель я случай писать карандашемъ къ Государю, но по несчастію моему записка сія попалась въ руки гонителю моему, графу Николаю Зубову, которой передалъ оною къ тогдашнему военному Губернатору, Графу Палену, а сей слѣдуя токмо единственной дальновидныя воли своей, отдаляя меня отъ Престола Правосудія, могуществомъ настояль: хотя я безвиненъ, но какъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, потому и сослать въ Сибирь. Но Господь Богъ на сей разъ не допустилъ мою пагубу своевоіемъ Сильнаго Вельможи, и я спасенъ благотѣльною десницею Августѣйшей Монархини Маріи Ѳеодоровны.

1801-го года имѣлъ я щастіе въ Санктъ-Петербургѣ удостоиться лично вручить всеподданнѣйшее прошеніе мое Его Императорскому Величеству, Государю Александру Павловичу. Его Величество, врачуя раны сынамъ своимъ за напрасное претерпѣніе и преданность къ Престолу, всемилостивѣйше соизволилъ обѣщать прежнимъ пенсіономъ 480 червонцами въ годъ и прочимъ,—а также и Гамбургское дѣло повелѣно было разсмотрѣть въ самой скорости.

Но враждебная судьба моя не оставила гнать меня, *кажется до конца моей жизни*. Дѣло мое, находясь въ самомъ лутшемъ видѣ, приняло вдругъ совсѣмъ другой оборотъ. Бумаги, представленныя мною къ покойному князю Безбородко, Французской патентъ на чинъ, все сіе бывъ собрано, во одно мѣстѣ разсмотрѣно не знаю кѣмъ.—И кажется, по тогдашнимъ полетическимъ дѣламъ и дружескому союзу съ I-мъ консуломъ, Бонапарте, положено было бумаги мои, служащія доказательствомъ къ многому, равно и о подозрительныхъ людей, истребить со мною вмѣстѣ и оставить въ неизвѣстности. И тогда же повелѣно было выслать меня за границу, гдѣ тогда же бы я сдѣлался жертвою полетическихъ тайнъ и выгодъ. Отправленіе сіе поручено было по секрету исполнить тогдашнему военному Губернатору Кутузову, которой далъ знать о семъ князю Александру Борисовичу Куракину, а сей Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Отъ Ея Величества послѣдовала записка, чтобъ меня до утра удержать, а поутру и Государь Императоръ соблаговолилъ оставить меня до дальнѣйшихъ приказаній Его Величества. И такъ, въ другій разъ спасенъ я былъ Богоподобной

Императрицей Маріей Феодоровной и, будучи оставленъ въ Петербургѣ подъ эгидію Ея, нашелъ себѣ спасеніе отъ моихъ враговъ.

Во время сіе въ Санктъ-Петербургѣ находился отъ двора Французскаго посланникомъ Графъ Коленкуръ, которой имѣя свои виды къ выгодамъ Франціи, старался наклонять умы въ свою пользу. Въ томъ числѣ, зная совершенно и моею ¹⁾ исторію, обольщалъ меня пышными обѣщаніями. Все сіе доведено было мною до свѣдѣнія Государыни Маріи Феодоровны и Военному Губернатору, которому самому уже все было извѣстно, о чемъ отъ нихъ и Государь Императоръ.— Наконецъ Графъ Коленкуръ узнавъ, что я предложеніи его призрѣлъ и отвергнулъ, увѣряя клятвенно Монарха Александра, что хотя бы самъ Ангелъ благовѣстилъ о добромъ расположеніи Бонапарта къ Россіи, то и тогда бы я усумнился, ибо совершенно зналъ пагубный планъ Бараса, котораго непремѣнный исполнитель воли есть Бонапартъ.

Во время сіе уже замыслы Франціи противу Россійской державы начали обнаруживаться и со стороны Россіи взяты были предосторожности, а потому послѣдовало предписаніе, чтобъ при всѣхъ Дворахъ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ находятся Россійскіе посланники съ большею осмотрительностью выдавали пашпорты тѣмъ Французамъ, которые хотягъ ѣхать въ Петербургъ и въ Россію. Даже и въ Петербургѣ за живущими Французами наблюдали надзоръ. Таковыя моею ²⁾ усердіе къ Престолу возбудило на меня большое вниманіе Коленкура, а въ прочихъ непримиримую зависть. Хитрость и прозорливость дальновидная Графа Коленкура, съ помощью прежнихъ моихъ враговъ, перемогла. Въ семъ случаѣ не помогло даже представительство и высокой покровительницы Государыни Маріи Феодоровны и другіе вельможи ³⁾ чтобъ меня не удалять изъ Петербурга, или по крайней мѣрѣ позволить жить въ Митавѣ и оставить за мною пенсіонъ 480 червонцевъ. Сказано, что сіе противно политикѣ и возбудить неудовольствіе. (Предоставлено мнѣ только пользоваться 300 рублей въ годъ).

При отправленіи же моему въ Харьковъ вручено мнѣ лично Господиномъ Военнымъ Губернаторомъ, Кутузовымъ, 2000 рублей и 50 червонцевъ отъ какой благодѣтельной руки мнѣ неизвѣстно, при томъ же по секрету увѣряя, что я ѣду въ Харьковъ не надолго и только по праформу до время.

1) Мою В. К.

2) Таковое мое В. К.

3) и другихъ вельможъ. В. К.

До 1807 года не оставляемъ я былъ щедротами заступницы моей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на что съ завистью взирали ненавидящіе меня. Но чтобъ совершить надо мною уже совершенную пагубу, то враги мои, удаляя меня изъ Харькова въ Сибирь и донесли Государынѣ и прочимъ, что я умеръ.

По прибытію моемъ въ Сибирь я, не имѣя защитника себѣ кромѣ Бога, лишился принадлежащаго мнѣ имѣнія болѣе на 20 тысячъ рублей и писемъ отъ знатныхъ лицъ, которыя мнѣ были *драгоцѣнны*. Словомъ, я въ удовольствіе моихъ гонителей сдѣлался мертвымъ, что послѣдовало 1813 года Сентября 25-го числа. О похищенномъ имѣніи семь начали производиться дѣла, но въ то время былъ Губернаторомъ въ Иркутскѣ Трескинъ, а въ Якутскѣ Областнымъ Начальникомъ зять его Миницкій, которыя защищая моихъ грабителей, семь лѣтъ останавливали ходъ дѣла сего, безъ всякаго дѣйствія,—до того времени, какъ уже Генераль-Губернаторъ всей Сибири, Сперанскій, вникнувъ въ оное, далъ ему ходъ надлежащій,—почему и поступило оно въ Правительствующій Сенатъ, которой, разсмотрѣвъ мою справедливость, приказалъ, взыскавъ съ похитителей деньги, меня удовлетворить.

Но соперникъ мой, купецъ Бѣлоусовъ, видя, что справедливость моя оказывается, хотя я самъ стражду въ Сибирѣ, чтобъ отдалить, какъ нибудь мнѣ заплату, подалъ къ Государю Императору прошеніе—въ силу котораго въ 1827 году 10 Ноября вытребовано было дѣло изъ Якутскаго Областнаго Правленія въ Общее Собраніе Правительствующаго Сената, но чѣмъ кончено по сіе время мнѣ не извѣстно. Тому 19-й годъ, какъ лишаюсь я своей собственности,—терплю невозвратные убытки и величайшую нужду*).

Въ 1814 году Высочайшимъ Манифестомъ послѣдовало всепрощеніе даже величайшимъ преступникамъ, но обо мнѣ уже некому было упомянуть, ибо считали меня мертвымъ.

При вступленіи на прародительскій престолъ Его Королевскаго Величества Людовика XVIII-го я ожидалъ, что и онъ будетъ ходатайствовать за меня у спасителя Европы Благословеннаго Александра I-го, но и въ семь не нашель себѣ утѣшенія и полагаю, что какъ я счи-

*) Иная редакція этого же мѣста записки: „По прибытію моемъ въ Сибирь 1813-го года Сентября 25-го числа въ Олекмѣ лишился я отъ власти и хитныхъ людей принадлежащаго мнѣ имѣнія, болѣе на 20 тысячъ рублей и оставленъ при бѣдствіи моемъ въ пагубной бѣдности, безъ всякой помощи“.

таемъ былъ умершимъ, то естли и были ходатаи о моей участи, то за мнимою смертію моею все осталось безъ дѣйствія. Видѣвъ печати милосердія Благословеннаго Александра на многихъ, но самъ лишившись всякой надежды, я потерялъ черезъ долговременныя страданія, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя силы. Будучи сверхъ того обремененъ тяжкими болѣзнями, лишился почти зрѣнія. Но зная неизреченное правосудіе Его Императорскаго Величества Николая Павловича, 1826-го года 25 Іюля подалъ я мое всеподданнѣйшее прошеніе къ Императору здѣсь на почтѣ, но почтмейстеръ показалъ мнѣ повелѣніе отъ областного начальника Мягкаго, чтобы на почтѣ отъ меня не принять прошеніе на Высочайшее имя,—безъ воли его, Мягкаго,—но безъ всякаго на то особеннаго Высочайшаго предписанія, и чѣмъ онъ *заряждалъ* для меня вся пути къ Священному Престолу—Милосердному Монарху. И я оставленъ страдать безъ надежды.

Но Провидѣнія пути непостижимы: оно въ видѣ Ангеловъ благовѣстителей—избавителей посылаетъ безлицепріятныхъ и въ края ужасно отдаленные. Ихъ стараніемъ и вѣрностію къ Богу, Царю и Отечеству, надѣюсь, бумага сія удостоится Всемилостивѣйшаго воззрѣнія Августѣйшаго Монарха и Судіи, котораго при старости лѣтъ моихъ и болѣзней умоляю: явить мнѣ судъ Божій и Царевъ,—спасти меня отъ нищеты и заточенія, полумертваго нещастливца, потерявшаго юности лѣтъ, щастіе, вольность, имѣніе и здоровіе свое за приверженность къ Престолу Россіи.

Еще въ 1798-мъ году пожалованъ мнѣ пенсіонъ въ Харьковѣ 300 рублей въ годъ. Если сравнить балансъ, то все жизненныя удовольствія возвысились въ десятеро дороже, нежели тогда. Если бы я хотѣлъ воспользоваться своими талантами себѣ что пріобрѣтать, то прежде власть и зависть мнѣ то запретили, а нынѣ болѣзнь и слабое зрѣніе сдѣлали меня не способнымъ. Да не останусь я въ старости, или, по смерти моей, мое жалости достойное семейство безъ насущнаго куска хлѣба здѣсь, въ необыкновенной дороговизнѣ и да помянетъ просьбу мою Христось Россіи во царствіи своемъ *).

Мая 20-го числа. 1832-го года.

Была ли своевременно отправлена по назначенію эта записка, удостоилась ли она Высочайшаго разсмотрѣнія, о чемъ такъ хлопоталъ

*) „Записка“ списана нами съ наиболѣе полной и стилистически обработанной копій,—при чемъ, кромѣ знаковъ препинанія и незначительныхъ грамматическихъ, исправленій, все оставлено безъ измѣненій.

авторъ, изъ „дѣла“ не видно. Донесеніе же Иркутскаго Общаго Губернскаго Управленія отъ 31 Мая 1835 г., за № 73, на имя испр. должность Генераль-Губернатора Восточной Сибири Броневскаго глухо говоритъ, что „иностранецъ Федоръ Бринкъ, по приключившейся болѣзни, на 14 число минувшаго Апрѣля мѣсяца помѣръ“.

Смертію закончилась трагическая судьба изгнанника.

„Вѣрно, онъ былъ забытъ, что не освобожденъ 1807 года“ (слова Броневскаго).

В. Крыжановскій.

